

Живет в г. Переяслав-Хмельницкий (Украина).

Сеятель

Сеятель паники, жнец бессмертника и ромашки,
Житель провинции, жрец оглобли и колеса,
Делай, что хочешь, не обращай на меня внимания
Делай, что делаешь, я не стану тебя спасать.

Кто эта женщина на карманном дагерротипе?
Жидкие волосы, драматический контур скул...
Что с ней? Уехала? Умерла от брюшного тифа?
Впрочем, не все ли едино, что там у вас за скука,

Что за бессмыслица... Медь оркестра, воскресный полдень.
Что это в ящике: человек или манекен?..
..Слов еще множество, но какая отныне польза
В стихосложении, житель города в табакерке?

Боль выживания – тоже, в общем, альтернатива
Самокопанию между стремением и землей.
Кто эта женщина, без которой тебе противно
Существование: кухня, ванная, горсть колес -

Обыкновенное, аспиринное, цитрамонное
Усекновение тяжелеющей головы?
Нас не испытывают – банально берут измором,
Долгой нерадостью. Нам без разницы, мы привыкли

К зову инерции, спазмам памяти, винным пятнам...
Сеятель вымысла, жнец бессмыслицы и вьюнка,
Не изучай меня, все и так чересчур понятно.
Не замечай меня, все наладится т.ч.к.

Не дружи с головой

Не дружи с головой, голодай, становись травой,
Не стриги бороды, обходи стороной добрых,
Берегись понимающих, будь никому не дорог,
Зарабатывай голым аском и воровством.

Ничего, что черно, что чем дальше, тем ледяней
Голоса и глаза окруживших и окруженных.
Не звони собутыльникам, сестрам и бывшим женам:
Ты и так не один, у тебя миллион теней,

Миллион эманаций и тысяча панацей,
Цитрамон, трепанация, смех мертвецов за кадром...
..Невысокие волны вгрызаются в дебаркадер,
Невысокие звезды виднеются сквозь прицел.

Невесомые баржи вжимаются в тесный док,
Переносные смыслы, как мощи, лежат вдоль трапов.
Неизвестно, куда отправишься, все истратив,
И кого призовешь, и кому, словно старый дог,

Будешь класть на колени голову, окунаясь,
Точно в прорубь, в необратимый тревожный сон,
Где горбатая баржа смыкает с бортов песок
И отчаливает от острова Окинава.

И отчаянье расчищает в тебе плацдарм
Для маневров: вдыхай отраву, завидуй, бойся.
Не бери себя в руки: любая работа - бойня,
Всякий дом - острог, не ходи по моим следам.

Деградируй, старей, пресмыкайся, кажись больным,
Обратись в чужое неверие, смейся, спейся.
А иначе - много ли проку от этой спеси?
Существуй, как умеешь: без гордости и вины.

В грозовую ночь

Любовь – это казнь в грозовую ночь и гроза в ночь казни.
Искрят провода, дребезжит металл, не продлить лёт сердца.
Мы вместе форсируем Ахерон, я один – знай – кану
В задымленную внеземную мглу: водород, бром, сера,

Сурьма, кутерьма... Караван – в пески, карабин – на стену.
Кричи, камертон, не щади ушей, не блюди гармоний.
Кого ты любила, покуда я ночевал не с теми,
Кого берегла, предоставив мне расточать гормоны?

Любовь – это жизнь, впрочем, также – смерть. Не смотреть сквозь тряпку!
Как хищник срывается простыня со шнурка в рот бездны.
Найди себе мужа, живи при нём то швеей, то пряхой,
То спящей царевной, оставь меня, я хочу жить бедно.

Когда пропоет барабанный дрозд, мы очнемся порознь,
Хватаясь за воздух, как эпилептики. Ein, zwei, ende...
Мне выпало счастье существовать в грозовую пору,
Любовь – это все, что вокруг меня: потолок, пол, стены.